

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

ИСКУШЕНИЕ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО: КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПОВЕСТИ Л. Н. АНДРЕЕВА «ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ФИВЕЙСКОГО»

Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
доцент кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д. В. Испытание Василия Фивейского: концепция человека в повести Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2021. № 3 (5). С. 30–61. DOI: 10.31802/WI.2021.5.3.003

Аннотация

УДК 82.091 (27-36) (821.161.1)

Цель статьи — рассмотреть сюжет и образно-символическую систему повести Леонида Николаевича Андреева «Жизнь Василия Фивейского», а также выявить авторскую концепцию человека на материале данного произведения. Основу методологии исследования составляет системный подход к анализу поэтики художественного произведения в контексте православной культурной традиции. Исследуется сюжет, мотивы, образы, символика повести и предпринимается попытка выявления концепции человека на данном материале. В повести выстраивается следующая концепция человека: человек — храм, в котором существуют два начала: свет и тьма (любовь и инстинкт, гармония и хаос, жизнь и смерть, добро и зло). Первоначально в человеке живут только свет и гармония, но вследствие давления внешней тьмы и внутренних искушений в храм проникают тьма и хаос, которые и разрушают светлые начала, а вместе с ними и сам храм, и самих себя.

Ключевые слова: творчество Леонида Николаевича Андреева, повесть «Жизнь Василия Фивейского», испытание, концепция человека.

The Temptation of Vasily Thebesky: the Concept of Man in the Story of L. N. Andreev «The Life of Vasily Thebesky»

Denis V. Makarov

Doctor of Sciences in Culturology

Associate Professor at the Department of Philology

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Denis V. "The Temptation of Vasily Thebesky: the Concept of Man in the Story of L. N. Andreev «The Life of Vasily Thebesky»". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 3 (5), 2021, pp. 30–61 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2021.5.3.003

Abstract. The purpose of the article is to consider the plot, the figurative-symbolic system of the story «The Life of Basil Thebesky» by Leonid N. Andreev and to reveal the author's concept of man on the basis of this work. The research methodology is based on a systematic approach to the analysis of the poetics of a work of art in the context of the Orthodox cultural tradition. The plot, motives, images, symbolism of the story are investigated and an attempt is made to identify the concept of a person on this material. In the story, the following concept of man is built: man is a temple in which there are two principles: light and darkness (love and instinct, harmony and chaos, life and death, good and evil). Initially, only light and harmony live in a person, but due to the pressure of external darkness and internal temptations, darkness and chaos penetrate into the temple, which destroy the light principles and, together with them, the temple itself, and themselves.

Keywords: L. N. Andreev oeuvre, the story «The Life of Vasily Thebesky», temptation, the concept of man.

Повесть «Жизнь Василия Фивейского» впервые опубликована Леонидом Андреевым в сборнике «Знание» в марте 1904 г. Первые отклики на повесть носили фрагментарный характер. Каждый из критиков выделял какой-либо один аспект, который казался ему наиболее важным. Большинство критиков подробно рассматривали эволюцию взглядов Василия Фивейского, этапы его духовного развития. Как отметил В. Г. Короленко, в повести поднят «вечный вопрос человеческого духа в его искании своей связи с бесконечностью вообще и с бесконечной справедливостью в частности»¹. При этом выводы, к которым приходили критики, зачастую исключали друг друга. Их интересовало, во что верит или не верит сам Андреев. Так В. Волжский писал, что повесть в глубинных слоях утверждает «идею Бога», «оправдания и принятия мира»². Н. Минский, напротив, утверждал, что в повести проявились безбожие и пессимизм писателя, однако, утратив веру в Бога, Василий Фивейский «сохранил уверенность в своей личности», «а так как личность является единственным источником всякой религиозности и святости», то «Фивейский за своим же ужасом сам обрёл воскресение духовное»³. Максимилиан Волошин увидел в повести «впечатление богохульства <...> но не богоборства»⁴. В. В. Розанов отмечал, что основная канва повести — «повторение истории Иова, но просто как параллель той, совершившейся некогда в Аравии, без всякого подражания, без всякой аллегоричности и попытки церковной поучительности»⁵. При этом — по мысли Розанова: «на долю этого русского сельского “попа” (так неизменно называет его автор) выпало никак не меньше, а в сущности даже больше несчастий, чем сколько навёл их на Иова сатана, которому на время “предал душу праведника” Бог»⁶. Повесть имела очень сильное эмоциональное воздействие. Александр Блок воспринял её как трагическое знамение

1 Короленко В. Г. О сборниках товарищества «Знание» за 1903 г. // Короленко В. Г. Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Пг., 1914. С. 366.

2 Волжский В. Литературные письма. О голосах критики по поводу «Жизни Василия Фивейского» Леонида Андреева // Голос юга. 1904. 14 декабря. № 9. С. 1.

3 Минский Н. М. Абсолютная реакция: Леонид Андреев и Мережковский // Д. С. Мережковский: Pro et Contra: Антология / ред. А. Н. Николукина. СПб., 2001. С. 174. («Pro et Contra (Русский путь)»).

4 Волошин М. «Елеазар», рассказ Леонида Андреева. Лики творчества // Волошин М. Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии. М., 2003. С. 48.

5 Розанов В. В. Литературные новинки («Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева). СПб., 2013. С. 3.

6 Там же.

времени; прочитав повесть, он написал: «Что везде неблагополучно, что катастрофа близка, что ужас при дверях, — это я знал очень давно, знал ещё перед первой революцией, и вот на это моё знание сразу ответила мне “Жизнь Василия Фивейского”...»⁷. Катастрофа близка... ужас при дверях... везде неблагополучно...

В советский период взгляд на повесть сузили до одной проблемы — богоборческого аспекта, который ставили Андрееву в заслугу. В критике укоренялся материалистический взгляд на Андреева, у которого «хорошие» вещи можно взять, а «реакционные» и «пессимистические», созданные под влиянием «философии Гартмана и Ницше»⁸ решительно отмести. Так, в частности, считал Л. Н. Афонин. В статье Ю. В. Бабичевой «Леонид Андреев толкует Библию» Андреев предстаёт перед нами как воинствующий обличитель догматов Церкви⁹. Наиболее глубокое исследование повести принадлежит Л. А. Иезуитовой¹⁰.

В последние двадцатилетие библейская проза Андреева анализировалась А. А. Плешковым¹¹, Т. К. Гусевой¹², Н. В. Пращерук¹³, Д. К. Фотиадис¹⁴, А. А. Рубан¹⁵ и другими. При этом взгляд на содержание повести был значительно расширен, открылась возможность для исследования текста в контексте христианской культурной традиции и собственно религиозной проблематики. Так, например, А. Худзиньска-Паркосадзе в статье «Библейские мотивы в прозе Леонида Андреева (на примере рассказа «Жизнь Василия Фивейского»», наблюдая (вслед за В. В. Розановым) в произведении, «в первую очередь, переключку с библейским архетипом Иова, поскольку заглавный герой, отец Василий, является

- 7 Блок А. А. Памяти Леонида Андреева // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.; Л., 1962. С. 131.
- 8 Афонин Л. Н. Леонид Андреев. Орёл, 1959. С. 26.
- 9 Бабичева Ю. В. Леонид Андреев толкует Библию // Наука и религия. 1969 № 1. С. 41–42.
- 10 См.: Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева. Л., 1976. С. 3–239.
- 11 Плешков А. А. Тропами экзистенциализма: Леонид Андреев как философский писатель // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 109–120.
- 12 Гусева Т. К. Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2012. № 2. С. 18.
- 13 Пращерук Н. В. Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев // Диалоги классиков — диалоги с классикой: сб. науч. ст. Вып. 4: Эволюция форм художественного сознания. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2014. С. 99–110.
- 14 Фотиадис Д. К. Концепция личности в творчестве Л. Н. Андреева и М. А. Булгакова: художественный неомифологизм и проблема амбивалентности характера: дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
- 15 Рубан А. А. Мифопоэтика и интертекст прозы Л. Андреева: дис. канд. филол. наук. Харьков, 2002.

его воплощением»¹⁶, приходит к выводу, что «суть человеческого бытия — право на бунт против зла и стремление искоренить его, только таким путём человек может сохранить чувство собственного достоинства»¹⁷. Ещё более остро характеризует проблематику рассказа С. А. Демидова, которая видит главный смысл повести в раскрытии «трагичного существования человека в мире без Бога», когда «человек обречён суду непостижимых сил»¹⁸, в данном случае — рока. В интерпретации В. А. Келдыша герой повести «почитает того Бога, который даст человеку — в его, Фивейского, лице — власть над “жизнью и смертью”. Иначе говоря, безгранично, вровень с собою, возвысит личность <...>. Но попытки найти себя в Боге (точнее, в метафизической тайне, которая здесь, в рассказе о священнике, предстаёт под именем “Бог”) кончаются крахом. Чаемое горнее благо обернулось inferнальной злобою, поправшей мученическую жизнь, но не смогшей унижить её»¹⁹. Т. К. Гусева показывает автора «Жизни Василия Фивейского» разрушителем беспочвенных интеллектуальных построений, в том числе своеобразного богостроительства: «Интеллектуальный экзерсис априори подвержен провалу в поэтике Л. Андреева»²⁰, в частности, это относится к попытке найти «экспериментальное доказательство существования Бога Василием Фивейским»²¹. Н. Н. Смоголь справедливо утверждает, что рассказ «“Жизнь Василия Фивейского” Андреева оставляет человека в мучительных онтологических исканиях»²². С. М. Заяц подчёркивает, что главным жизненным устремлением Василия Фивейского является ожидание чуда: «Герои писателя не только живут на грани света и тьмы, ночи и дня, но и мучительно ищут выхода из хаоса ночи и мрака, ищут тот островок веры, который бы вывел их к свету. Отсюда во многом характерное для героев Андреева ожидание чуда»²³.

- 16 *Худзиньска-Паркосадзе А.* Библиейские мотивы в прозе Леонида Андреева // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2009. Вып. 8. С. 53.
- 17 Там же.
- 18 *Демидова С. А.* Леонид Андреев: писатель-философ (реконструкция «архива эпохи») // Культурология. 2009. №1 (48). С. 131.
- 19 *Келдыш В. А.* О «серебряном веке» русской литературы. Общие закономерности. Проблемы прозы. М., 2010. С. 393.
- 20 *Гусева Т. К.* Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева // Указ. соч. С. 18.
- 21 Там же.
- 22 *Смоголь Н. Н.* Мятежный век, мятущийся дух, тревожащее слово (о новых исследованиях творчества Леонида Андреева) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2016. № 3 (72). С. 355.
- 23 *Заяц С. М.* Леонид Андреев как темно-светлый лик Серебряного века // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 189.

Е. А. Михеичива отмечает ключевое отличие Василия Фивейского от его библейского прототипа: «В отличие от Иова, верящего в непогрешимость Божьего Промысла, Василий Фивейский верит иначе: для него Бог — это идея о гармоничном, разумном и справедливом мироустройстве. А поскольку реальность убеждает его в непреходящем характере несправедливости и страданий, вера священника обретает иную, не соответствующую церковным догматам направленность»²⁴.

Значительным событием начала 2000-х гг. стала подготовка в ИМЛИ РАН научного издания Полного собрания сочинений и писем Андреева²⁵, в пятом томе которого комментировались библейско-евангельские рассказы Л. Андреева. Издание начало выходить в 2007 г. и продолжается по настоящее время. Это первое и единственное научное собрание сочинений Леонида Андреева, снабжённое научным комментарием, включающее не только основной корпус его текстов, но и другие редакции и варианты произведений, а также не опубликованные ранее материалы. Издание полностью раскрывает творчество писателя, в том числе достаточное внимание уделено христианской тематике его произведений. К сожалению, не издан еще третий том, содержащий изучаемое произведение. Поэтому текст повести приводится по предшествующему изданию²⁶.

Обратимся к истории создания и анализу текста повести. Леонид Андреев работал над повестью около двух лет. Предыстория такова. В 1902 г. он приезжал к Максиму Горькому в Арзамас, где последний познакомил его с рукописной исповедью ставропольского сельского священника Александра Ивановича Аполлова²⁷, который под влиянием произведений Льва Толстого в 1892 г. сложил с себя сан в знак разногласия с Церковью²⁸. Горький вспоминал, что говорил Андрееву

24 Михеичива Е. А. Мотив воскресения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 71.

25 Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. / текст подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. Москва, 2007–.

26 Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 1990.

27 Является прототипом не только отца Василия Фивейского в повести Леонида Андреева, но и священника Василия Никаноровича в пьесе Льва Толстого «И свет во тьме светит». Умер от психической болезни (по другим данным от туберкулеза) 2 августа 1893 года в возрасте 29 лет в селе Немда Костромской губернии. См. о нём: Афонин Л. Н. «Исповедь» А. Аполлова как один из источников повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Андреевский сборник: исследования и материалы / науч. ред. Л. Н. Афонин. Курск, 1975. С. 90–101.

28 См. о нём: Романчева Л. Ю. Аполлов // ПЭ. 2008. Т. 3. С. 65.

о религиозных фанатиках, вера которых растёт тем больше, чем меньше для этого оснований: «Они (люди догмата. — Д. М.) часто являются добровольными пленниками слепой, жестокой веры и тем более фанатически защищают истинность её, чем мучительнее сомневаются в ней»²⁹. Именно эту мысль Горького и попытался воплотить Андреев в своей повести³⁰.

Уехав из Арзамаса, Андреев начинает работу. Первоначально он хочет связать образ своего священника с Екклесиастом и Лазарем, но после отказывается от этой мысли, оставляет книгу Екклесиаста и сюжет воскрешения Лазаря на потом, ограничивается сопоставлением Василия Фивейского с Иовом. На связь «Жизни Василия Фивейского» с «Книгой Иова» сразу обратили внимание критики³¹. Сам Андреев даёт подсказку. На первых страницах повести дьякон сравнивает Василия с Иовом, и с этого момента сам Василий начинает чувствовать себя избранным, и читатель воспринимает жизнь Фивейского в неразрывной параллели с жизнью библейского прототипа. Но Андреев не перелагает книгу Иова, он использует её мотивы и ситуации, ведёт с ней полемику. Андреев показывает «современного» Иова — Василия. Причём это сопоставление, адаптация к современным условиям, носит подчас пародийно-ироничный или даже перевёрнутый характер. Иов теряет тучные стада; у Василия издыхает один боров. Иов поражён телесным недугом; у Василия всё хорошо со здоровьем, больны его жена и сын-идиот. Иов попрекает Бога, а в финале преклоняется перед Ним; а Василий, наоборот каждый день служит Богу, а в финале проклинает Его. Василий — это преломление образа Иова в сознании Андреева по принципу фотографии, только наоборот: из позитива в негатив. С начала и почти до конца повествования Василий — это почти библейский Иов (тот, кто погибает, но надеется и верует). А в финале Василий — Иов-бунтарь, уличающий Бога в несправедливости. Причём Василий поступает так, как советует поступить Иову жена: «Похули Бога и умри» (Иов 2, 9). Василий, на первый взгляд, фактически это и делает. Важно, что у Василия мы находим признаки ветхозаветного дохристианского сознания. Он как будто пропустил мимо своего сознания

29 Воспоминания Горького об Андрееве // Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн; ИМЛИ АН СССР. М., 1965. (Литературное наследство; 72) С. 369.

30 Горький имел огромное влияние на Андреева. Последний буквально боготворил его. Об этом свидетельствуют многочисленные письма, воспоминания современников. Отношения Горького и Андреева — тема отдельного исследования.

31 Например, В. В. Розанов, о статье которого говорилось выше.

учение Церкви о Христе. На протяжении повести ни разу, кроме неточной цитаты из чина отпевания: «...Тем же, Христе Боже, преставляшагося раба Твоего упокой, яко человеколюбец...»³² и эпизода, где отец Василий рассказывает Васе об исцелении Иисусом слепорождённого, не упоминается имя Христа. Речь идёт только о Боге. Ветхозаветность сознания проявляется в его убеждении, что божественная справедливость должна наступить ещё при жизни на земле. Священник как будто не знает и о посмертном воздаянии. И если божественная справедливость не проявляется в этом мире, то для отца Василия нет в жизни никакого смысла. Смерть для него — абсолютное зло. Он как бы принадлежит к Ветхозаветной, а не к Новозаветной Церкви и не слышал слов Христа: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36). Живёт Василий в хронологическом времени конца XIX — начала XX в., но в своём религиозном сознании он остался где-то далеко до нашей эры. Конечно, это связано с (аналогичным с Толстовским) убеждением автора в том, что смерть — последняя граница, за которой нет ничего. Автор, не веря во Христа как в Богочеловека, пытается выяснить вопрос о существовании Бога и Его справедливости. И делает это по-старому, по-ветхозаветному, как делали авторы книг Иова и Екклесиаста, для которых не существовало ещё посмертного воздаяния. Для Андреева его уже не существует. Мирской разум и «здравый смысл» говорят «нет» новозаветной догме о воскресении Христа. Но связь повести с книгой Иова не только в содержании. Н. Ашешов писал, что по жанру и стилю «Жизнь Василия Фивейского» вообще «следовало бы назвать житием»³³. Но если и житие, то вывернутое наизнанку. В классическом житии показан путь праведника к Богу. Житие Андреева кончается не чудесами на могиле (которые, однако, произойдут в других библейских произведениях Андреева, но уже в других рассказах и будут тоже специфически перевёрнутыми)³⁴, а гибелью героя. Причём гибелью скорее не только физической, но духовной.

При всем желании Андреева сохранить спокойно-повествовательный тон Священного Писания, слишком часто в текст вторгаются

32 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского // *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы 1898–1903 гг. / редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. М., 1990. С. 548.

33 *Иезуитова Л. А.* Творчество Леонида Андреева (1892–1906). Л. 1976. С. 132.

34 В частности, воскрешение Елеазара в рассказе «Елеазар» как раз и является таким «неумным» анти-чудом, которое только и может сотворить анти-Иов — Василий.

взволнованные слова автора, его подчас ненужные для верующего человека объяснения. Например: «...И благословил Бога, так как верил в Него...»³⁵. Вторая часть фразы для религиозного человека не нужна. Андреев сам признавался Неведомскому, что плохо знает изображаемую среду: «Я очень мало знаю жизнь, верите, почти совсем её не знаю. Самих попов-то, к которым я так часто обращаюсь, я вижу только на свадьбе, на крестинах, да ещё когда отбывал церковное покаяние за попытку самоубийства»³⁶.

Исходя из этого, Иезуитова определяет стиль повести как экспрессивный. «Жизнь Василия Фивейского» — одно из первых у Андреева цельных по идейно-стилевым признакам произведений экспрессивного или, как говорил сам Андреев, «ретушированного» (подрисованного) реализма³⁷. Для такого стиля характерны специальные синтаксические параллелизмы (ряд фраз начинается со слова «воскреснуть»), резко экспрессивно окрашенная лексика, в которой преобладают «устрашающие» имена прилагательные, существительные, внушающие ужас и страх, глаголы и наречия; словесные повторы (слово «рок», тяготеющее над всем строем повести); экспрессивная образная система (активные образы метели, ночи, темноты, ветра, несущие большую символическую нагрузку)³⁸.

«“Жизнь Василия Фивейского” — одна из лучших его психологических вещей»³⁹, — утверждает Иезуитова. Но психологизм Андреева отличается от психологизма Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. Толстой договаривает за героя все его чувства и мысли, осознанные и неосознанные. Достоевский показывает существование нескольких стихий в человеке, неподвластных персонажу, кажущихся порой хаотичными. Андреев тесно сливает голос героя с авторским и создаёт изображение психологического состояния героя через некое лирическое отступление — исповедь. Таким образом, можно говорить о стиле повести как о стиле гротескного реализма с элементами символизма и психологизма. Для такого стиля характерны сгущение красок и гиперболизация.

Авторская позиция в изображении героя и жизни неоднозначна. Через выяснение этой неоднозначности, даже противоречивости можно

35 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1. М., 2007. С. 489. Далее при цитировании — ссылки на это издание.

36 Письма Леонида Андреева к М. П. Неведомскому // Искусство. 1925. № 2. С. 266.

37 Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева. С. 140.

38 Там же. С. 136.

39 Там же. С. 117.

прийти к подлинному смыслу повести, к её эстетическому или «художественному предмету»⁴⁰. Для этого следует говорить о двух уровнях текста: содержательном и изобразительном. Под содержательным понимается сознательное продуманное авторское построение, в котором автор реализует свою логическую концепцию мира и человека. Благодаря чему порой чувствуется сконструированность проблемы и ситуации, ощущается схематичность и искусственность характеров, гротесковость в изображении жизни. Автор здесь — всемогущий и все сильный творец, который насылает на своего героя испытания, манипулирует им и знает, что тот сделает в следующий момент. Автор воплощает в повести умопостигаемую концепцию рока и хаоса, лежащих в основах мира. Этот содержательный уровень легко считывается большинством критиков. Так у Иезуитовой финалом исканий Василия оказывается убеждение в том, что не «Бог-добро» стоит в основах мира, а «вненравственный хаос»⁴¹, мировое зло — безразличная сила. Именно в пристрастии критики к этому умопостигаемому уровню лежит причина одноплановой оценки произведения.

Под изобразительным уровнем понимается поэтический аспект создания произведения, проявляющийся в образно-символической системе и носящий частично бессознательный, стихийный характер. На этом уровне автор — отнюдь не всезнающий создатель, напротив, он сам — его лирическое «Я», становится героем переживаемого им поэтического откровения. И он не знает, что же будет дальше, каков будет его следующий шаг. Порой неподвластные ему образы сами выплывают из глубины эстетического предмета, и чуткий духовный взор писателя точно и быстро запечатлевает их. И как бы ни казались, на первый взгляд, безумны и бессмысленны эти образы, ни один из них не будет случайным. Этот поэтический уровень текста реализуется через ключевые для Андреева образы-символы: тьмы и света (в самом широком их значении). Борьба между ними определяет символическое содержание повести.

Таким образом, двигаться к «художественному предмету» Андреева можно двумя путями. Во-первых, через умопостигаемую логическую схему-концепцию действительности, заложенную сознательно. И, во-вторых, через поэтическую образность, созданную иногда и бессознательно. В синтезе двух этих уровней заключается загадка

40 Термин И. А. Ильина. См. его книгу: *Ильин И. А. О тьме и просветлении*. Книга художественной критики. М., 1991. С. 7.

41 *Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева*. С. 132.

Андреева — «сфинкса русской интеллигенции»⁴². В этом причина его неоднозначности, секрет той неуловимой противоречивости, когда кажется, что всё понятно, всё однозначно, как вдруг что-то изменится в тонкой структуре текста, и уже не так просто понять, что же произошло на самом деле. И невозможно уже однозначно утверждать от кого бежит отец Василий: от Бога или от себя самого? Эту особенность прозы Андреева уловил П. Пильский: «Ум нас пугает, страшит, грозит нам и строит ковы, а кто-то бодрый, славный и молодой тихо шепчет: “не верьте”»⁴³.

Благодаря наличию в прозе Андреева этих двух не всегда совпадающих уровней имеем такое богатое разнообразие суждений о нем и его произведениях. В частности, действительно, сложно понять, что это за «непоколебимая» вера у Василия, если глаза его «черные и страшные, как вода болота»⁴⁴.

В большинстве литературоведческих работ советского периода, посвящённых данной повести, подчёркивается богоборческий пафос, чаще всего исследователи говорят, что Василий ушёл непокорённый, приписывают ему бунтарские настроения, чуть не призыв к борьбе. Но главным для Андреева был не политический и не социальный, а общечеловеческий вопрос о смысле и разумности жизни, о духовном пути человека. Самый главный его вопрос — что лежит в основе мира? Хаос или Гармония? По сути это вопрос о Боге: есть Он или нет? Из его решения вытекают и все остальные: о справедливости, бессмертии, смысле жизни, возможности преображения человека.

Ситуация осложняется тем, что Андреев, всю жизнь пытавшийся найти в мире и в людях эту светлую основу, не мог назвать то, что он ищет, своим именем. Он не мог признаться, что он ищет Бога (хотя и писал об этом Горькому), потому что в его сознании — типичном для интеллигента начала XX в. — само слово «Бог» воспринималось как нечто архаичное, давно устаревшее. Возможно поэтому его поиски этого не названного Бога, воплощённого в образы света, носили порой подсознательный характер. И оттого, что стена молчания и отчуждения, отделяющая героев Андреева от Бога и от других людей, не уступала, не разрушалась, герои срывались на крик, переходили в истерику. Ведь

42 Так зачастую называли его в критике, видимо, по названию одной из его собственных статей 1900 г. См.: *Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 13. М., 2014. С. 107–108.

43 *Пильский П.* О Леониде Андрееве. СПб., 1910. С. 34.

44 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского. С. 546.

в «самых основах рушился мир» человека, надорвавшегося в попытках поднять каменную завесу.

Большую и, надо сказать, негативную роль сыграл в богоискательстве Леонида Андреева Максим Горький. В одном из писем Андреев делится с Горьким самым сокровенными мыслями и спрашивает совета: «Мне ещё очень много хочется сказать о жизни и о Боге, которого я ищу <...> Как быть, не знаю. Слушаться совести <...> Не знаю. Посоветуй. Поступлю, как скажешь»⁴⁵. И Горький отвечает ему: «Бога нет, Леонидушка. Есть мечта о нём, есть вечное, не удовлетворимое стремление так или иначе объяснить себе себя и жизнь. Бог — удобное объяснение всего происходящего вокруг и — только. Пока что бога и не требуется <...> Ныне — бог ускользает от мещан, и они, сукины дети, остаются без прикрышки. Так и надо! <...> А когда они <...> издохнут — мы для себя создадим бога великого, прекрасного, радостного <...> Так-то! А мещанам бога не давать, если б и был он!»⁴⁶.

Л. А. Иезуитова подробно разбирает содержательный уровень повести, этапы веры, итог нравственных исканий Василия, но не погружается в глубь образно-символической системы, лишь вскользь упоминая об образах метели, ночи, бури, которые играют роковую роль в судьбе героя.

Обращение и к содержательному и к изобразительному уровням при внимательном прочтении повести позволяет обнаружить новую сторону в расшифровке и толковании андреевских образов-символов. Нужен взгляд сквозь образную систему на «художественный предмет» — своеобразное солнце, лучи которого пронизывают произведение.

Иезуитова утверждает: «Через сомнение, муки и саморазрушение Василий отказывается от идеи божественного предопределения, вытекающей из веры в бога, и приходит к мысли о торжестве во вселенной вненравственного хаоса»⁴⁷. Действительно, на какой-то момент так и происходит с Василием. Но что же случается дальше? Куда бежит Василий? Об этом не пишет Иезуитова⁴⁸. Она говорит, что Василий «бежит от себя, от правды, от жизни и умирает»⁴⁹. Это отвлечённое объяснение финала повести — повисает в воздухе. Оно бездоказательно. На этой же странице Иезуитова продолжает: «В борьбе с христианским

45 Из письма Андреева — Горькому, 4 января 1902 г. // Горький и Леонид Андреев. С. 128.

46 Горький — Андрееву, 7–9 января 1902 г. // Горький и Леонид Андреев. С. 129.

47 *Иезуитова Л. А.* Творчество Леонида Андреева. С. 132.

48 Не говорит об этом также и А. Худзиньска-Паркосадзе, работа которой цитировалась выше.

49 *Иезуитова Л. А.* Творчество Леонида Андреева. С. 121.

представлением о божественном провидении и человеческим предназначением Андреев одерживает решительную победу, с необычайной психологической убедительностью доказывая неизбежное разрушение религии там, где она сталкивается с правдой жизни»⁵⁰. Но где же тут собственно победа? Получается, что Василий «заборол» своего Бога насмерть. И что толку ему от такой победы — сам тоже погиб. Опять получается Иов наизнанку. Ведь библейский прототип героя после борьбы с Богом преклоняется перед Ним.

Конечно, моменты богоборчества присутствуют в действиях и мыслях Фивейского, но целесообразнее говорить не о бунте (бессмысленном и бесчеловечном), а об искушении Василия Фивейского. Известно, что при работе над другим библейским произведением писателя — рассказом «Елеазар» — одним из литературных источников стала книга Г. Флобера «Искушение святого Антония», о влиянии которой на Андреева пишет в своей диссертации О. В. Вологина: «Рассказ “Елеазар” написан под впечатлением драмы Г. Флобера “Искушение святого Антония”»⁵¹. Если же говорить о бунте отца Василия, то надо указывать конкретно и точно: против чего он направлен? Необходимо различать сознательный бунт и не всегда осознаваемые последствия искушений, и не путать одно с другим.

Бунт направлен на то, что устарело и тормозит развитию жизни. А искушение, напротив, показывает то, что надо беречь в этой жизни, предостерегает от потери главного. Обратимся к тексту и проследим историю бунта или искушения отца Василия.

Вспомним сюжет повести и кратко рассмотрим его содержательный уровень. С первых строк мы узнаем, что «над всей жизнью Василия Фивейского тяготел суровый и загадочный рок»⁵². Тем не менее, он стал священником, завёл семью, сына и дочь «и подумал, что всё у него стало хорошо и прочно»⁵³. Но на седьмой год благополучия утонул его сын Василий. И «скоро в доме о. Василия стали бояться ярких летних дней, когда слишком светло горит солнце и нестерпимо блеснит зажжённая им обманчивая река»⁵⁴. То есть солнце обмануло о. Василия и его жену, сверкнуло семью годами благополучия и насмеялось. Отец Василий идёт

50 *Иезуитова Л. А.* Творчество Леонида Андреева. С. 121.

51 *Вологина О. В.* Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы конца XIX — начала XX веков: дис. канд. филол. наук. Орёл, 2003. С. 185.

52 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского. С. 498.

53 Там же. С. 489.

54 Там же. С. 490.

в поле и посылает Богу молитву-вызов. Основной мотив её: я верю, несмотря ни на что. Возгласом «я верю» он пытается убедить себя самого в том, что верит. Это ещё не бунт. Это скорее попытка предотвратить бунт против Бога в своей душе, предостеречь себя. А попадья после смерти сына начинает пьянствовать. Однажды попадья напилась и решила «родить нового сына»⁵⁵, в котором бы возродился, воскрес их погибший Вася. Тут начинается плотское искушение о. Василия, на которое он поддаётся. Следует сцена безумного зачатия. Затем о. Василий второй раз идёт в поле, и опять говорит: «Я верю». Но теперь уже «угроза и молитва, предостережение и надежда»⁵⁶ звучат в его голосе. Он не столько предостерегает себя от бунта, сколько угрожает Богу и пытается повлиять на Его действия, склонить Его к своей воле. В этой угрозе появляется первый отголосок бунта, форма проявления которого есть несогласие с божественным промыслом и попытка утвердить свою личную волю выше божественной. А с точки зрения христианина своеволие, вызванное гордыней, есть самый опасный грех, из-за которого и диавол спал с небес, и Адам был изгнан из рая. В молитве «Отче наш» главными являются слова: «Да будет воля Твоя...». Ими человек вручает себя и свою судьбу любящему и любимому Богу. А о. Василий начинает проявлять недоверие к Богу, думать, что он сам лучше знает, как должно быть.

После зачатия на краткое время в доме воцаряется «тихий и радостный покой»⁵⁷. Но «незримый враг наносил удары»⁵⁸: болела дочь Настя, сдох боров.

И вот родился Вася второй: «В безумии зачатый, безумным явился он на свет»⁵⁹. Плод греха, ребёнок безумия и ночи, родился идиотом. Это был новый удар для о. Василия, ещё более тяжёлый, чем прежние. Попадья снова стала пить. И «чудовищный мир безумия»⁶⁰ выростал в их снах и грёзах.

Но в это же время о. Василий во время исповеди впервые открывает для себя, что на земле есть ещё и «другие люди — подобные ему существа»⁶¹, которых он раньше не замечал и о которых не думал, как о живых и страдающих. А думал только о себе, о Боге и о таинственной судьбе.

55 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского. С. 495.

56 Там же. С. 496.

57 Там же.

58 Там же.

59 Там же. С. 498.

60 Там же. С. 499.

61 Там же. С. 505.

За пеленой огромного зеркала, стоящего перед ним, он не замечал ничего и никого в мире, жил только собой, страдал от собственных неудач, то есть был эгоистом. Теперь же «отпал туман от его лица, и блестящими, точно обмытыми глазами он изумлённо глядел на лицо женщины»⁶². Он ещё не полюбил ближнего своего, но открыл для себя, что есть, кроме «огромного о. Василия со своим огромным горем и огромными сомнениями» много других людей. Впервые «не стало одиночества, но вместе с ним скрылось и солнце, и пустынные светлые дали, и плотнее сделался мрак ночи»⁶³. Это загадочная фраза. Как отмечают современные исследователи А. В. Курочкина и Э. Ф. Рафикова, «в тексте ночь персонифицируется и становится полноправной участницей действия. Во-первых, ночь символизируют тёмные начала в душе человека, становится немым свидетелем совершаемых грехов: “тяжко и глубоко вздыхала ненастная ночь”; “ночь молчала”. Во-вторых, образ ночи, чёрный цвет символизируют неизбежность судьбы: “чёрная тень грядущего” лежала на сердце шестилетней Насти; чёрной была борода старосты, в которой “точно вся жестокая загадочная судьба его (отца Василия. — Э. Ф. Рафикова) воплотилась”. В третьем случае ночь — символ безверия, бездуховности главного героя: “черно было небо, как земля”, когда молился поп»⁶⁴.

К какому солнцу и к какому мраку (ночи) относятся слова? Ясно, что не к реальному солнцу и ночи. Скорее к процессу, произошедшему в душе о. Василия. Но почему тогда «плотнее сделался мрак», и «скрылось солнце», — ведь о. Василий продвинулся дальше в религиозном сознании? Нет, просто всё стало на свои места. Тот свет, который только казался о. Василию светом, а был на самом деле мраком, перестал вводить его в заблуждение, потому что развеялся его эгоистический взгляд на мир, спала с глаз пелена, и ложный свет перестал обманывать его. А ночь сделалась темнее, потому что исчезло иллюзорное солнце, а другое, настоящее, ещё не взошло. И другие люди ещё не знали правды о своей жизни. Все только чувствовали и ждали её — «эту огромную правду о боге и о людях, и о таинственных судьбах человеческой жизни»⁶⁵, «туманные очертания» которой сквозили за людскими судьбами. «Начал

62 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 505.

63 Там же. С. 506.

64 Рафикова Э. Ф., Курочкина А. В. Образы-символы света и ночи в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) заочной научной конференции (16 декабря 2016 г.). Уфа, 2017. С. 41.

65 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 506.

чувствовать её о. Василий, и чувствовал её то как отчаяние и безумный страх, то как жалость, гнев и надежду. И был он по-прежнему суров и холоден с виду, когда ум и сердце его уже плавилась на огне непознаваемой правды и новая жизнь входила в старое тело»⁶⁶. Эту огромную правду о. Василий опять чувствует двойственно: то как отчаяние, то как надежду. Он предчувствует, что в жизни его может быть два финала: гибель или спасение, что «туманное очертание» может обернуться либо ангелом, либо чёртом. О. Василий чувствует неопределённость своей судьбы, но он ещё не знает, что судьба его уже предрешена, очерчена роком, но он продолжал смутно надеяться на что-то: порой на то, что он начнёт новую жизнь, иногда на то, что он будет избран Богом.

Все люди ждали новой правды о жизни. Ждал и о. Василий, отсылая несчастных людей к Богу: «Его проси! Его проси!»⁶⁷. Ожидание было тревожно. Дождался о. Василий, что попадья попыталась повеситься. Он убеждается, что «нет помощи!» человеку ниоткуда. И теперь уже бунтует по-настоящему. «Он остановился и, подняв кверху остановившийся взор, пронизывая им потолок и мглу весенней ночи, закричал пронзительно и исступленно: — И ты терпишь это! Терпишь! Так вот же <...> Он высоко поднял сжатый кулак...»⁶⁸. Это уже прямой упрёк Богу, даже угроза, чуть не проклятие. Это действительно бунт против Промыслителя, чья воля либо не вмешивается, по мнению Василия, в происходящее на земле, либо не совпадает с человеческими представлениями. Перед нами акт бунта. По сути это тот же бунт Иова, обличающего Бога в несправедливости. Разница лишь в одном: Иов имел полное право на бунт и обличение, ибо он был без греха и наказан без вины. Иов был праведником, не поддавался искушениям. Само его несчастье было искушением сатаны. А Фивейский бунтует против Бога со дна пропасти своих грехов, из смрада, где даже «воздух губительный и тлетворный»⁶⁹. Сидит во тьме и проклинает свет... Или, быть может, он проклинает то, что считает светом, то, что принимает за свет, но что на самом деле есть тьма? Посмотрим, что происходит дальше. После бунта ночь как будто стала светлее от горящих лампад, и ожидание больше не было тревожным, превратилось в «канун большого и светлого праздника»⁷⁰. И мир как будто бы улыбнулся им.

66 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 507.

67 Там же. С. 513, 518, 519.

68 Там же. С. 517.

69 Там же. С. 489.

70 Там же. С. 514.

В душе о. Василия загорелся огонь любви к людям, появилась надежда на собственные силы, так как понял он, что неоткуда больше ждать помощи. Ведь от Бога он ждал именно помощи. Не любви, не просветления, не счастья богообщения, а банальной житейской помощи: чтобы жизнь наладилась, чтобы было хорошо и счастливо Василию с женой здесь на земле, и счастливо не счастьем самопожертвования, а, наоборот, самым эгоистическим счастьем. О. Василий, убеждаясь, что Бог не помогает ему в житейских делах, перестаёт на Него надеяться. Зачем такой Бог, от которого нет никакой утилитарной помощи? О. Василию такой Бог не нужен. И он решается жить своими силами. Исповедуя людей, о. Василий говорит им: «Его проси!», — но сам уже не верит в эти слова. Он потерял веру, но всё ещё служит в церкви, тем самым обманывая и себя и людей. После разговора с калекой о. Василию стало страшно идти в церковь. Тьма объяла его, и пустота засветилась. Ночь проходила, но словно она спряталась в глазах о. Василия и не хотела уходить. Он решает снять сан и уехать. Это решение есть продолжение его бунта против того, кого он считает Богом (не против Бога, а против своего собственного неправильного представления о Боге!), а также против лжи его собственной жизни. После этого «три месяца отдыхала их душа, и снова вернулась в их дом потерянная надежда и радость»⁷¹. Ожидание становится радостным. Жизнь озаряется светом мечты.

Так против чего или кого бунтует о. Василий, когда грозит Богу, решает выйти из церкви? Вот как отвечает на этот вопрос Иезуитова: «Жизнь о. Василия окружена вечной и роковой тайной. Загадкой является рождение человека и его смерть. Не зависит от воли о. Василия его религиозное представление о мире. Оно пришло к нему от его дедов и отцов и закабалило его, не спросив разрешения <...> Жизнь о. Василия, его детей, попадьи в исходных моментах предопределена предками, условиями быта и природы, положением в обществе»⁷². И, добавлю от себя, доставшейся по наследству верой. А. Худзиньска-Паркосадзе утверждает, что бунт Василия Фивейского направлен «против зла» и есть — «стремление искоренить его»⁷³.

Но если мы внимательно проследим, как и во что верит о. Василий, то вместе с Д. Мережковским признаем, что вера его не христианская, а скорее иудейская, ветхозаветная: «Как будто испугавшись вопроса

71 *Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 524.*

72 *Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева. С. 132.*

73 *Худзиньска-Паркосадзе А. Библийские мотивы в прозе Леонида Андреева // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2009. Вып. 8. С. 58.*

о чуде в новой религии, Андреев повернул назад, к старой позитивной религии без чуда»⁷⁴. Он как бы и не слышал почти ничего о Христе и не знает, что Тот сказал: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13). И он живёт в представлениях Ветхого Завета с верой в прижизненное воздаяние, избранничество, жертву. О. Василий бьётся в этой старой затхлои клетке, которую представляет собой весь уклад его жизни. Он хочет уехать, как свой исторический прототип священник Аполлов, снять сан, снять всю тяжесть бесконечных раздумий, грехов-покаяний, вырваться из круга которых нет сил ни у него, ни у попадьи. Так автор утверждает, что только вырвавшись из порочного круга, возможно спастись, обрести радость, настоящую жизнь и веру.

После бунта у о. Василия появляются надежды на собственные силы, а это значит, что лучше и честнее для него жить без веры, чем с такой верой, унижающей человека. Но не долгою была его внутренняя свобода. Сгорел дом Фивейского, и попадьа сгорела в нём. После этого уже иная — «страшная вера»⁷⁵ открывается в глазах о. Василия. И он произносит: «Нет! Нет! Я верю»⁷⁶. Вспомним высказывание Горького: «Они (люди догмата) часто являются добровольными пленниками слепой, жестокой веры и тем более фанатически защищают истинность её, чем мучительнее сомневаются в ней»⁷⁷. О. Василий пытается смириться: «Ты прав, — говорит он, — я верю»⁷⁸. А дальше говорит он просто «Верую», изгоняя из речи само слово «Я».

Тут-то и происходит с о. Василием религиозное прозрение. Свет и радость появляются в его душе. Предстало перед ним чудо в бездонных солнечных глубинах, обрисовался новый мир, но он уже не был землёю. Это был «мир любви, мир божественной справедливости, мир светлых и безбоязненных лиц»⁷⁹. Е. А. Михеичева в своей работе, посвящённой мотиву воскресения в творчестве писателя, комментирует происходящее: «Ранее существовавшая между о. Василием и его прихожанами пропасть преодолевается, к священнику приходит понимание людских страданий. Откровения прихожан потрясают его своей простотой и правдой, сострадание и отчаяние оттого, что он, служитель Бога на земле, ничем

74 Мережковский Д. С. В обезьяньих лапах // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М., 1991. С. 24.

75 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 526.

76 Там же. С. 527.

77 Воспоминания Горького об Андрееве // Горький и Леонид Андреев. С. 369.

78 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 527.

79 Там же. С. 530.

не может им помочь, рождают святую веру: через него, избранника, Бог должен сотворить чудо. Нелепая и страшная гибель Семена Мосягина, молодого мужика, труженика, кормильца большого семейства, должна явить возможность “преодоления смерти”, возвращения из небытия»⁸⁰.

Автор сравнивает о. Василия с огнём. Но показательно, что хотя он и просветлился внутренне, облик его остаётся черным: «Был он тёмный и страшен, как тень из другого мира, а по лицу его разбежалась в светлых морщинках искристая улыбка, как будто солнце играло на чёрной и глубокой воде»⁸¹. В глубинах души герой остаётся черным, солнце лишь чуть-чуть задело его, осветило, но не смогло преобразить до конца. Этой фразой снова приоткрывается фатальная обречённость о. Василия. Все его прозрения не прочны, кратковременны. Сейчас солнце играет на темной воде, но набегит на солнце туча, и «чёрная и глубокая вода» поглотит все светлые блики.

Необходимо отметить, что данная схема разрешения главного конфликта света и тьмы присуща и для других произведений Андреева. Можно предположить, что именно этот образ представляет собой главный «художественный предмет» писателя: свет приходит в тёмный мир, освещает, согревает человека на какое-то время, но он (по своей слабости) не может просветить всю тьму, и человек, и мир погибают. Это полностью противоречит основному христианскому образу: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5). У Андреева же тьма гасит свет.

В написанном немного ранее «Жизни Василия Фивейского» рассказе «Ангелочек» (1899) тоже присутствует сюжет гибели светлого начала. Мальчик Сашка — тринадцатилетний хулиган из неблагополучной семьи — в богатом доме, куда его приглашают на Рождественскую ёлку, видит чудесного ангелочка, красота которого пробуждает самые светлые глубины человеческой души: «Сашка не сознавал, какая тайная сила влекла его к ангелочку, но чувствовал, что он всегда знал его и всегда любил, любил больше, чем перочинный ножичек, больше, чем отца, и больше, чем всё остальное <...> И перед сиянием его лица словно потухла сама нелепо разукрашенная, нагло горящая ёлка <...> И в этот короткий момент все заметили загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназистом и одухотворённым рукой неведомого художника личиком ангелочка»⁸².

80 *Михеичева Е. А.* Мотив воскресения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 72.

81 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского. С. 530.

82 Там же. С. 165.

Мальчик выпрашивает себе этого ангела, приносит его домой, показывает больному отцу, душа которого тоже откликается: «Ангелочек спустился с неба, на котором была его душа, и внёс луч света в сырую, пропитанную чадом комнату и в чёрную душу человека, у которого было отнято все: и любовь, и счастье, и жизнь <...> Всё добро, сияющее над миром, всё глубокое горе и надежду тоскующей о Боге души впитал в себя ангелочек, и оттого он горел таким мягким божественным светом...»⁸³. Но заканчивается рассказ, увы, печально. Уже давно пора спать, и Сашка «устраивает на ночь ангелочка», привязывая его ниточкой к отдушине печки. И когда все заснули, ангелочек начал таять: «Ангелочек как будто шевелился. По розовым ножкам его скатывались густые капли и падали на лежанку. К запаху керосина присоединялся тяжёлый запах топлёного воска. Вот ангелочек встрепенулся, словно для полёта, и упал с мягким стуком на горячие плиты. Любопытный прусак пробежал, обжигаясь, вокруг бесформенного слитка, взобрался на стрекозиное крылышко и, дёрнув усиками, побежал дальше»⁸⁴.

Именно так разрешаются отношения света и тьмы у Андреева и в поздних — главных его произведениях: «Иуда Искариот», «Жизнь человека», «Дневник сатаны». Но что самое печальное, точно так же, видимо, завершилась борьба этих двух духовных начал и в жизни самого писателя. Рассказ «Ангелочек» имеет автобиографическую основу. Родственница Андреева З. Н. Пацковская вспоминала: «Ёлка эта была у нас, и наверху был восковой ангелочек; Леонид всё на него смотрел, потом взял его себе (моя мать ему его подарила), и когда лёг спать, то положил его на горячую лежанку, и он, конечно, растаял. Было ему в это время лет 8. Но в рассказе кое-что переиначено. Там выводится мальчик из бедной семьи. Леониду же отец и мать делали обыкновенно свою роскошную ёлку»⁸⁵. В этом есть какое-то трагическое предзнаменование. Этот случай с ангелочком связан с самыми последними днями жизни писателя. Известно, что Андреев обладал не только писательским, но и живописным талантом. Он писал картины, а также сам расписал стены на своей даче в Финляндии. В числе других персонажей был Некто в сером, держащий горящую свечу, озаряющую слабым светом окружающий мрак. Андреев скончался 12 сентября 1919 г. А за несколько дней до этого он взял чёрную краску и закрасил пламя этой свечи. Каждый день он ходил на берег Финского залива и смотрел

83 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 166.

84 Там же. С. 168.

85 Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924. С. 212.

в бинокль на Кронштадт — единственную видимую ему частичку России. Самым ярким объектом в панораме Кронштадта являлся золотой купол морского Андреевского собора, мерцающий золотым светом даже тогда, когда всё остальное тонуло в тумане. А за день до смерти Андреев уже не увидел даже и его: «Был на башне. Туманно. Искал Кронштадт и не нашёл. Не нашёл...»⁸⁶. По воспоминаниям Ф. Н. Фальковского, присутствовавшего при этом, Леонид Николаевич, говоря эти слова, весь дрожал⁸⁷.

Возвращаемся к анализу повести. Во фрагменте душевного прозрения героя изображение о. Василия построено Андреевым по принципу антитезы. Вот несколько примеров. «Они остановились перед ним в оцепенении, как останавливаются перед огнём <...> Был он тёмный и страшный»⁸⁸. «Лицо у него было тёмное от ночи, а глаза ласково светились...»⁸⁹. Фигура попа «темнела одинокая <...> как будто была частицею мрака <...> и был он огромный и чёрный на фоне тускло белевшего окна»⁹⁰.

На предопределение финала работает также образ ночной бабочки: «Несколько обожжённых бабочек темными комочками летало около лампы, всё ещё горевшей почти невидимым жёлтым светом: одна серая мохнатая, с большой уродливой головой (как у Васи-идиота. — Д. М.), была ещё жива, но не имела сил улететь и беспомощно ползала по стеклу. Вероятно, ей было больно, она искала теперь ночи и тьмы, но отовсюду лился на неё беспощадный свет и обжигал маленькое, уродливое, рождённое для мрака тело»⁹¹. Бабочка и о. Василий, оба — жители ночи, оба — тёмные, уродливые тела. Приближаясь к огню, они гибнут. Бабочка погибает ночью, обманутая, ослеплённая огнём лампы. Когда же настанет настоящий день, она будет мертва. То же самое произойдёт и с о. Василием в финале повести. А пока он вдвоём с сыном-идиотом вселяется в новый дом, постится и каждый день служит в холодной церкви, борется с тьмой и холодом. Но — опять антитеза: чем больше он старается, тем сильнее ползут о нем нелепые и зловещие слухи.

Погибает Семён Мосягин, и ещё более жуткие слухи поползли о попе. Ожидание снова становится тревожным. Василий молится.

86 Фальковский В. Н. Воспоминания о Горьком и Андрееве // Горький и Леонид Андреев. С. 596–597.

87 Там же. С. 597.

88 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 530.

89 Там же. С. 524.

90 Там же. С. 509.

91 Там же. С. 528.

Наступает день похорон Мосягина. Василий отпевает его. Но вдруг прерывает отпевание и пытается оживить покойника. У него ничего не получается, и о. Василий посылает Богу последние упреки: «Так зачем же я верил? Так зачем же Ты дал мне любовь к людям и жалость — чтобы посмеяться надо мною? Так зачем же всю жизнь мою Ты держал меня в плену, в рабстве, в оковах? Ни мысли свободной! Ни чувства! Ни вздоха! Всё одним Тобой, всё для Тебя. Один Ты! Ну, явись же — я жду!»⁹². «Я, Я, Я» — снова звучит громче всего. Он пытался изгнать это греховное «Я», но оно снова прорвалось в отречении от слов «Да будет воля Твоя», в утверждении своей воли на воскресение умершего. Прорывается его униженное ранее «Я» и начинает приказывать Богу: «Явись!» Но Бог не является, а появляется Вася-идиот. И это означает, что он заменил Бога, встал на его место. Вот как раскрылась эта «новая правда» о жизни и о людях о. Василию. И он полагает, что окончательно убедился: в основах мира лежит вненравственный хаос, а вера его — обман. Сбылись худшие ожидания, и он погиб.

Иезуитова смотрит на финал повести, как на последний акт бунта, расценивает бегство отца Василия из церкви как бегство от своей былой веры и объясняет смерть его тем, что «стены» и «решётки» ещё сильны, что «люди ещё не овладели знанием <...> и не могут перестроить мир по законам добра и справедливости»⁹³. Тем самым всё сводится к социальному аспекту.

А. Худзиньска-Паркосадзе видит в концовке повести «суть человеческого бытия — право на бунт против зла и стремление искоренить его», а также способ «сохранить чувство собственного достоинства»⁹⁴.

Если остановиться на данных трактовках, то не до конца будет раскрыт авторский замысел. Необходимо посмотреть на финал с другой стороны. Но для этого необходимо уяснить особенности творческого акта Андреева. А это можно сделать, только обратившись к его образно-символической системе.

Ключевые образы-символы повести можно разграничить как зрительные (солнце, свет, ночь, тьма), слуховые (тишина, молчание, ожидание, слово), осязательные (метель, вьюга, холод, тепло), а также пространственные перспективы, в которых происходит борьба света и тьмы. Но образы эти уловлены не внешними чувствами, как, например

92 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 552.

93 Иезуитова. Л. А. Творчество Леонида Андреева. С. 133.

94 Худзиньска-Паркосадзе А. Библийские мотивы в прозе Леонида Андреева // Вестник ВолГУ. Серия 8. 2009. Вып. 8. С. 58.

у Н. А. Бунина или других реалистов, а чувствами внутренними. Автор передаёт не то, что он слышит, видит, осязает, обоняет в реальном мире, а то, что он видит и чувствует в мире внутреннем, духовном, на уровне не физическом, а метафизическом. Он видит свет и тьму, слышит тишину и слово, чувствует тепло и холод, но не органами чувств, а своей душой. События первоначально происходят во внутреннем мире художника, а затем уже автор облакает их в эстетическую плоть. Таков основной эстетический закон экспрессионизма — искусства не отражающего объективную реальность, а выражающего действительность внутренних переживаний, ощущений, тревог и радостей автора. Поэтому в повести необходимо рассматривать все явления и события происходящими в двух планах бытия, в двух реальностях: внешней реальности предметного мира и внутренней реальности человеческой души.

Это яркая особенность художественного стиля Андреева: его образы-символы символизируют не субстанции иного мира, божественного порядка (как в традиционном русском символизме), а субстанции собственного духовного мира, существ (ангелов и чудовищ), обитающих в его собственной душе. Без сомнения, Андреев в развитии своего художественного стиля всё более становился из экстраверта интровертом. И его творческий акт представлял воплощение в художественные образы и материализацию в слове явлений и процессов, происходящих в его внутреннем мире: в душе и в сознании.

Но он оставался и экстравертом, не разрывал до конца с реализмом. С начала и до завершения творческого пути реалистическая манера переплетается у Андреева с условной. Однако, главных своих высот Андреев достигает не как бытописатель и реалист, а как экспрессионист, то есть мастер условной манеры, суть которой в том, что в его произведениях развёртывается не столько бытовая история с реальными действующими лицами, сколько его собственная душа с населяющими её сомнениями, темными призраками, светлыми тенями, порой неясными персонами с непрописанными или дwoящимися лицами, чередованием света и тьмы. В некоторых произведениях это внутреннее душевное состояние изливается почти без осмысления, произвольно, как оно есть. И тогда получаются такие вещи как «Смех», «Молчание», «Ложь», «Пожары», «Набат», «Реквием».

В других произведениях сознание писателя пытается осмыслить происходящее, разобраться в движениях своей души. Тогда создаются такие произведения, как «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Елеazar», «Иуда Искариот», «Черные маски», «Дневник сатаны». Но сознание

не проникает до конца в таинственный внутренний мир души: ни в её чёрные провалы, как в «Бездне», ни в её светлый огонь, как в «Полете». И большей частью сознание запутывается, раздваивается, теряет почву под ногами, как в «Мысли», «Черных масках». Внутренний микрокосм — мир души — остаётся не до конца познанным ни в своей тьме, ни в своём свете.

Андреев предстаёт глубоким исследователем микрокосма — человеческой души, её внутреннего содержания, души, в которой есть день и ночь, холод и тепло, слово и молчание, где есть солнце и черные дыры, свет и тьма. Это есть действительный микрокосм, проекция макрокосмоса. В нём всё так же, как и в макрокосмосе, и всё не так. Он может быть тождествен с внешним миром, а может и различаться с ним. Ведь в душе человеческой может быть светло от духовного солнца, даже когда наступает ночь в мире внешнем. И, наоборот, при самом ярком свете внешнего солнца, в душе может царить полный мрак. Так попадая боится ярких солнечных дней, потому что свет этот обманул её, в нём погиб её сын.

Этот момент важен — он утверждает, что внешнее солнце (внешние блага), даже самое яркое, не способно просветлить жизнь, согреть душу, если внутри её тьма. Лучи физические не превратятся в духовные. Так не может внутренне пустой воскресший мертвец из андреевского рассказа «Елеазар» согреть тёмную и холодную пустыню своей души лучами физического солнца. И император Август не опустошается внутренне под его взглядом только благодаря тому, что он находит, пусть слабый, но всё же свет в своей душе — свет любви к своему народу, к другим людям, свет не физический, а духовный.

Теперь посмотрим на изучаемую повесть в контексте особенностей авторской поэтики, а именно символики ключевых образов. Рассмотрим образы тишины, молчания, ожидания. После смерти первого сына, о. Василий говорит в поле: «Я верю»⁹⁵. «Без отзвука потерялся в пустыне неба и частых колосьев этот молитвенный вопль, так безумно похожий на вызов»⁹⁶. Без отзвука, то есть в тишине. Тишина — пустыня. Молчание Бога — признак его отсутствия или испытания героя. Тишина и связанное с ней ожидание звука становятся зловещими. Герои боятся нарушать тишину и боятся, что тишина будет нарушена извне чужим словом, и слово это сообщит им о новых бедах. Но, когда в душах героев исчезает страх перед грозным будущим, тишина становится

95 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 492.

96 Там же.

приятной, а ожидание радостным «кануном светлого праздника»⁹⁷. Когда о. Василий не может больше идти в церковь, в его жизнь входит что-то страшное, входит «вечное молчание»⁹⁸. Оно, словно отчаяние когда-либо получить ответ, услышать слово. Когда начинают распространяться зловещие слухи о попе, ожидание снова становится тревожным. В финальной сцене «тишина» в церкви во время попытки воскрешения говорит о том, что нет ответа о. Василию, что слова его тонут в пустоте, что безмолвен Бог: «И в позе гордого смирения он ждёт ответа — один перед черным, свирепо торжествующим гробом, один перед грозным лицом необъятной и величавой тишины. Один. Неподвижными остриями вонзаются в мглу огни свечей, и где-то далеко напевает, удаляясь, вьюга: их двое, их двое <...> Тишина»⁹⁹.

Образы тьмы и света наиболее разработаны в повести и несут наибольшую смысловую нагрузку. Тьма у Андреева имеет активный характер. Это не отсутствие света, а хищная, активная ночь, у которой на службе холод, метель, тишина, молчание. Тьма всячески стремится изгнать, застлать свет, тепло, слово, распространить по земле ночь, холод и вечное молчание, уничтожить жизнь. Чем ярче свет, там сильнее тьма. По этому принципу строится изображение о. Василия на его духовном подъёме. Тьма и молчание концентрируются в образе пустоты, которая начинает светиться, зиять, засасывать. Свет исходит от солнца, от лампы, а также имеет внутренний духовный источник. Свет может быть обманчивым и настоящим. Для того чтобы увидеть настоящий свет, надо перестать быть слепым, надо прозреть, иначе человек обречён принимать за свет тьму и впадать в заблуждения. У о. Василия «любовь к яркому свету»¹⁰⁰. Но когда наступает ночь в его душе, он становится бессильным и не может больше сопротивляться искушениям. Истинный свет приносит радость и счастье, но у Андреева он по своей природе менее активен, чем тьма.

Чрезвычайно важен и характерен в повести образ дома, который служит раскрытию концепции человека у Андреева. С давних времён дом отождествляется в народном сознании с человеком (дверь — рот, окна — глаза и т. д.). Человек — это тоже дом, где живёт душа. Но не просто дом, а Храм — то здание, где обретается душа человека. Христос говорит, что за три дня восстановит разрушенный Храм — Храм Своего Тела. И вот мы видим дом, в который «как в одну скорлупу» заключены

97 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 517.

98 Там же. С. 523.

99 Там же. С. 522.

100 Там же. С. 536.

о. Василий и идиот. Яйцо — древний символ души, упоминание о скорлупе не случайно. У больших писателей вообще не бывает ничего случайного, каждая деталь имеет своё место и значение, смысл, порой не всегда различимый самим автором. В одной скорлупе, значит, в одной душе, в одном доме — в одном человеке сидят они: о. Василий — просветлённый, созерцающий мир любви и Идиот — олицетворяющий хаос, тёмное вненравственное начало.

Тело человека воспринимается Андреевым именно как храм. Автор уподобляет о. Василия храму, сравнивая его веки с арками окон: «И, спрятав глаза под каменную аркой бровей...»¹⁰¹. Так показывает Андреев о. Василия в финальной сцене. В данном образе раскрывается концепция человека по Андрееву: дом-храм — это тело, где вместе живут свет и тьма — хаос и гармония¹⁰². Так в одном человеке, так и во всем мире. Метель, холод пытаются ворваться в дом, выгнать тепло, потушить огонь, изгнать свет и любовь. Они (метель и холод) действуют снаружи, пытаются ворваться через окна, двери, трубу — органы внешних чувств. Хотят ворваться и разрушить гармонию тепла и света, и они порою врываются, холодят всё внутри дома-храма, но в холоде дома, как в холодной церкви, ещё можно служить Богу — что и делает о. Василий, ежедневно служа в холодном храме.

Эти внешние разрушительные силы символизируют «стену» и «решётку» законов природы, внешнюю ограниченность и бесприютность человеческой жизни. Но у гармонии любви и света есть более грозный враг. Он — внутри человека, бок о бок со светлым началом. Это «бездна» вненравственного в самом человеке, воплощённая Андреевым в образе Васи-идиота, как бы второго лица самого Василия Фивейского.

В десятой главе повести они рядом: о. Василий и Идиот в одном доме, в одной скорлупе, в одном храме тела. Снаружи — тьма и холод мировой ночи. И метель воеет: «Их двое, их двое, двое...»¹⁰³.

Что значит двое? Почему метель говорит именно это? Потому что в храме тела человеческого два начала. Первое: гармония — свет и любовь, Образ Божий. Это начало божественное, нравственное, утверждающее смысл, говорящее бытию «да». И второе: хаос — тьма и бездна слепого инстинкта, наследие первородного греха. Это начало звериное, слепое, вненравственное, неразумное, внеэстетическое, отрицающее

101 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 552.

102 Что в целом соответствует христианскому взгляду на человека, в котором одновременно живут грех и благодать.

103 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 540.

всякий смысл, говорящее бытию «вечное нет». И теперь понятно, почему «их двое, их двое, двое...».

Вася-Идиот ещё мал. Но когда подрастёт, он вытеснит своего отца из дома. Попадья боялась Васю. «Он загрызёт меня, когда вырастет»¹⁰⁴, — говорила она. Вася ещё мал, но уже начинает ползать. О. Василий находит его у дверей, как будто бы тот хотел отворить их и впустить холод в дом. И неслучайно в финале о. Василий вспоминает эту зимнюю ночь с Идиотом. Потому что в финале тёмные силы объединились: внешняя тьма застилает свет солнца в природе, а внутренняя тьма ослепляет духовные очи о. Василия, застилает перед ним Солнце духовное: «Приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9, 4).

Эти слова Христа, которые читает о. Василий Идиоту в десятой главе, есть ключ к разгадке финала повести. Ведь в финале ночь наступает посреди дня, а с её наступлением нельзя ничего сделать, тем более — сотворить чудо. И человек в эту духовную ночь искушения становится бессилён сопротивляться силам зла. Посреди отпевания, в полдень, «что-то чугуно-серое, лохматое взглянуло в церковь мёртвыми очами и поползло выше к кресту»¹⁰⁵. Небо сделалось чёрным. Это внешняя тьма застлала солнце. И словно всю черноту «впитали в себя чёрный гроб и чёрный священник»¹⁰⁶ (примечательно, что слово «чёрный» употребляется здесь в одном абзаце семь раз). «И чернота одежд его казалась светом среди ослепительной позолоты...»¹⁰⁷. Здесь уже прямое указание — черноту начинают принимать за свет. «Почувствовал тьму и о. Василий, но не понял её: ему странно почудилось, что это — раннее зимнее утро...»¹⁰⁸. Он обманулся, тьма обманула его. «И дрогнул он, не видя, как слепой, но прозревая...»¹⁰⁹. И в этом ослеплении, во мраке, когда настала ночь и «никто не может делать», он принял тьму за свет, искушение дьявольское за божественное откровение. И представилось ему «могучее, всеразрешающее чувство, повелевающее над жизнью и смертью, приказывающее горам: сойдите с места!»¹¹⁰. О. Василий «понимает всё, понимает тем чудным проникновением в глубину вещей, какая бывает только во сне и бесследно исчезает с первыми лучами света»¹¹¹.

104 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 515.

105 Там же. С. 548.

106 Там же. С. 549.

107 Там же.

108 Там же.

109 Там же.

110 Там же.

111 Там же. С. 550.

Эта фраза указывает, что о. Василий находится действительно во сне, и когда настоящее солнце снова появится, то этот сон исчезнет, растает. Находясь в таком ослеплении, под властью наваждения о. Василий говорит мёртвому: «Тебе говорю, встань!.. Но неподвижен был мертвец, и вечную тайну бесстрастно хранили его сомкнутые уста»¹¹². О. Василий повторяет призыв ещё и ещё раз. Но неподвижен труп. О. Василий замечает, что побежал народ, «видит, что за окнами темно, но не догадывается — почему, и отворачивается»¹¹³. Он не сразу понял, что с ним произошло на самом деле, он ещё не понял, что тьма вошла в него. Тогда-то он и бунтует против Бога, требует у Него вернуть жизнь Мосягину, гневается на Бога, за то, что Тот не слушается его. И уже не человека воскрешает он, а «мясо»: «Да говори же ты, проклятое мясо!»¹¹⁴ — кричит он и трясёт гроб. В этот момент чаша греха отца Василия исполнилась, он пал на самое дно самого страшного искушения. Силы хаоса и мрака добились своего: о. Василий уже ненавидел и того, кого он хотел воскресить, и самого Бога. Тьма ворвалась в храм-церковь, и в храме души героя снаружи — через двери и окна, и изнутри — из темной страшной глубины микрокосма, залила, загасила своей чёрной водой огонь любви. Огонь геенны (гниения и разложения) пожрал душу человека, когда наступила ночь. И огонь духовный был заслонен тьмой. Вася-Идиот «сожрал» своего отца — Василия внутри скорлупы, хаос сожрал тот мир любви, так нежно трепетавший в душе человека. Теперь он смеялся над обманутым отцом, — «схватившись хищными пальцами за края гроба»¹¹⁵. Он победил, все-таки открыл дверь дома и впустил в него холод и смерть, погубил отца, заставил его отпасть от божественной воли, предаться своеволию и погибнуть. Раздирается маска идиота, хохот наполняет церковь, разрывает каменные своды. Только тут «о. Василий открывает ослеплённые глаза, поднимает голову вверх и видит: падает все. Медленно и тяжело клонятся и сближаются стены, сползают своды, бесшумно рушится высокий купол, колышется и гнётся пол — в самых основах своих разрушается и падает мир»¹¹⁶.

Вторжение хаоса и тьмы равносильно смерти. Они разлагают, разрушают жизнь. Клонятся стены, рушится купол, гнётся пол, — это разрушается храм-дом-тело человеческое, лопается скорлупа «яйца-души».

112 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 552.

113 Там же.

114 Там же. С. 553.

115 Там же.

116 Там же.

О. Василий утратил свет, допустил в свой храм холод мировой ночи, который и погасил священный внутренний огонь. А когда он понял это, было уже поздно, ничего нельзя было исправить.

Только тогда, когда храм его души и тела уже начал разрушаться, пелена затмения окончательно спала с глаз о. Василия: «И тогда с диким рёвом он бежит к дверям»¹¹⁷. Он выбегает из церкви. Но бежит не «от Бога», бег его не есть продолжение бунта против Бога. Наоборот. Ведь куда бежит он? — К Солнцу! «На закате ещё светлеет голубая полоска, и, задыхаясь, он бежит к ней»¹¹⁸. Бежит, пытаясь из последних нечеловеческих усилий спастись, убежать от своего страшного последнего греха, ещё питая отчаянную надежду — вернуть свет и любовь в свою душу. Но уже слишком поздно, — храм тела уже взорван дьявольской силой и рушится, смерть уже нельзя остановить. Теперь понятно, куда и зачем бежал Фивейский, и почему как будто «и мёртвый продолжал он бежать»¹¹⁹. Бежал о. Василий к солнцу — символу света, выглянувшему из-за туч и открывшему глаза священнику.

Только увидев возродившийся солнечный свет, о. Василий догадался о том, что он пытался «делать во тьме» и что он поддался на искушение своеволия. Он увидел, что пал в бездну, прыгнул с крыла храма, — и теперь храм его разрушается, а солнце навсегда уходит от него. В последнем отчаянии умирающего он бросается за солнцем, которого уже не в состоянии догнать. И так сильно его отчаянное стремление спастись, что даже и в смерти своей, «и мёртвый продолжал он бежать».

Происхождение фамилии о. Василия Фивейского восходит к Павлу Фивейскому, скончавшемуся в 341 г. Святой Павел был родом из города Фивы, отсюда и его фамилия. Неизвестно, читал ли Андреев житие святого Павла, но при сопоставлении жития с повестью Андреева находим одну очень интересную параллель. Святой Павел умер «стоящим на коленях с простёртыми вверх руками и вверх же обращённым лицом»¹²⁰. И блаженный Антоний, «увидев, что он уже мёртв, понял, что тело святого мужа и по смерти воздаёт поклонение Богу, перед Лицом Которого всё живо»¹²¹.

117 *Андреев Л. Н.* Жизнь Василия Фивейского. С. 553.

118 Там же. С. 554.

119 Там же.

120 *Димитрий Ростовский, свт.* Житие преподобного отца нашего Павла Фивейского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Кн. 5: Январь. М., 2010. С. 443.

121 Там же.

Андреевский о. Василий «и в своей позе сохранил стремительность бега; бледные мёртвые руки тянулись вперёд, нога подвернулась под тело <...> как будто и мёртвый продолжал он бежать»¹²². Налицо прямая параллель. Святой Павел и «по смерти воздаёт поклонение Богу», а о. Василий «и мёртвый продолжал <...> бежать». То есть и после смерти он продолжал стремиться к утраченному свету, хотел вновь обрести Бога, Которого утратил в искушении.

Таким образом, в повести выстраивается следующая концепция человека. Человек — храм (дом, яйцо, тело), в котором живут бок о бок два начала: свет и тьма, любовь и инстинкт, гармония и хаос. В более широком понятии — это жизнь и смерть, добро и зло. Первоначально в человеке живёт только свет (первый сын-Вася), но вследствие давления внешней тьмы (гибель Васи) и внутреннего искушения (зачатие во тьме и безумии) в храм проникает тьма (идиот-Вася), которая и разрушает начало светлое. В нравственном плане человек Андреева предстаёт слабым, неспособным противостоять искушениям. О. Василий вначале поддается искушению плоти, затем — разума и воли. Итак, в повести отображена история духовно-нравственной гибели человека, неспособного различить тьму и свет, добро и зло, в условиях, когда на небесах (и внешних и внутренних) происходит затмение.

В последней XI главке повести есть очень любопытное и характерное для творческого акта Андреева несоответствие. Оно заключается в следующем. Отпевание начинается в полдень. Это указано в тексте. Затмение тоже наступает в полдень. В это время начинает о. Василий начинать оживать усопшего. А выбегает из церкви он, когда на западе ещё светлела голубая полоска, то есть перед заходом солнца. Так как действие происходит летом, то получается, что события в церкви продолжались, приблизительно, часов десять. Но судя по контексту рассказа, они занимают буквально несколько минут. Такое искривление времени ещё раз показывает, что мы имеем дело не с традиционным реализмом, а с искусством условным, где действуют иные законы, и где внешний мир изменяет свои объективные очертания по прихоти художника-экспрессиониста.

Тем не менее — в контексте православной культурной традиции — авторская концепция неизбежной гибели гармоничных светлых начал в хаосе и тьме мира свидетельствует о недостаточной вере в Боговоплощение — то есть в то, что Божественный «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5).

122 Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского. С. 554.

Источники

- Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Рассказы 1898–1903 гг. / редкол. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; вступ. статья А. Богданова; сост. и подгот. текста В. Александрова и В. Чувакова; коммент. В. Чувакова. М.: Художественная литература, 1990.
- Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. / тексты подгот., коммент. сост.: В. Н. Быстров и др.; ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, Лидсский ун-т (Великобритания) [и др.]. Москва: Наука, 2007–.
- Блок А. А.* Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Художественная литература, 1962.
- Димитрий Ростовский, свт.* Житие преподобного отца нашего Павла Фивейского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Димитрия Ростовского. Кн. 5: Январь. М.: Ковчег, 2010.
- Горький и Леонид Андреев: неизданная переписка / ред. И. С. Зильберштейн; ИМЛИ АН СССР. М.: Наука, 1965. (Литературное наследство; т. 72).
- Письма Леонида Андреева к М. П. Неведомскому // Искусство. 1925. № 2. С. 265–271.

Литература

- Афонин Л. Н.* Леонид Андреев. Орёл: Орловское книжное изд., 1959.
- Афонин Л. Н.* «Исповедь» А. Аполлова как один из источников повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Андреевский сборник: исследования и материалы / науч. ред. Л. Н. Афонин. Курск: б. и., 1975. С. 90–101.
- Бабичева Ю. В.* Леонид Андреев толкует Библию // Наука и религия. 1969. № 1. С. 41–42.
- Волжский В.* Литературные письма. О голосах критики по поводу «Жизни Василия Фивейского» Леонида Андреева // Голос юга. 1904. 14 дек. № 9. С. 1.
- Вологина О. В.* Творчество Леонида Андреева в контексте европейской литературы конца XIX — начала XX веков: дис. канд. филол. наук. Орёл, 2003.
- Волошин М.* «Елеазар», рассказ Леонида Андреева. Лики творчества // *Волошин М.* Проза 1906–1916. Очерки, статьи, рецензии. М.: Эллис Лак, 2003. С. 39–48.
- Гусева Т. К.* Гармония и хаос: концепция экзистенциального человека Леонида Андреева // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2012. № 2. С. 14–26.
- Демидова С. А.* Леонид Андреев: писатель-философ (реконструкция «архива эпохи») // Культурология. 2009. № 1 (48). С. 127–135.
- Заяц С. М.* Леонид Андреев как темно-светлый лик Серебряного века // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 185–191.
- Иезутова Л. А.* Творчество Леонида Андреева. Л.: ЛГУ, 1976.
- Ильин И. А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. М.: Скифы, 1991.
- Келдыш В. А.* О «серебряном веке» русской литературы. Общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010.

- Короленко В. Г.* Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 5. Пг.: Тов-во А. Ф. Маркс, 1914.
- Мережковский Д. С.* В тихом омуте. М.: Советский писатель, 1991.
- Минский Н. М.* Абсолютная реакция: Леонид Андреев и Мережковский // Д. С. Мережковский: Pro et Contra: Антология / под ред. А. Н. Николюкина. СПб.: Изд. РХГА, 2001. (Pro et Contra (Русский путь)).
- Михеичева Е. А.* Мотив воскресения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 68–79.
- Пильский П.* О Леониде Андрееве. СПб.: Прогресс, 1910.
- Плешков А. А.* Тропами экзистенциализма: Леонид Андреев как философский писатель // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 109–119.
- Пращерук Н. В.* Несостоявшийся диалог: Ф. Достоевский и Л. Андреев // Диалоги классиков — диалоги с классикой: сб. науч. ст. Вып. 4: Эволюция форм художественного сознания. Екатеринбург: Уральский ГУ, 2014. С. 345–365.
- Рафикова Э. Ф., Курочкина А. В.* Образы-символы света и ночи в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» // Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика. Направления и тенденции современных исследований. Материалы Всероссийской (с международным участием) заочной научной конференции (Уфа, 16 декабря 2016 г.). Уфа: БашГУ, 2017. С. 41–42.
- Розанов В. В.* Литературные новинки («Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева). СПб.: Лань, 2013. С. 3.
- Романчева Л. Ю.* Аполлов // ПЭ. 2008. Т. 3. С. 65.
- Рубан А. А.* Мифопоэтика и интертекст прозы Л. Андреева: дис. канд. филол. наук. Харьков, 2002.
- Смогель Н. Н.* Мятёжный век, мятущийся дух, тревожащее слово (о новых исследованиях творчества Леонида Андреева) // Учёные записки Орловского государственного университета. № 3 (72). 2016. С. 355–356.
- Фатов Н. Н.* Молодые годы Леонида Андреева. М.: Земля и фабрика, 1924.
- Фотиадис Д. К.* Концепция личности в творчестве Л. Н. Андреева и М. А. Булгакова: художественный неомифологизм и проблема амбивалентности характера: дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2008.
- Худзиньска-Паркосадзе А.* Библиейские мотивы в прозе Леонида Андреева // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 8. 2009. С. 53–58.